

iiidens@mail.ru

Ильина Ирина

ЛИЛОВЫЙ ОСТРОВ
ИЛИ ТРОЕ ИЗ ПРОШЛОГО

Оглавление

Пролог	Странное утро десятого июля	3
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	КИРА	
Глава 1	Лиловый остров	7
Глава 2	В развалинах	17
Глава 3	плохие новости и страшные тайны	29
Глава 4	Кошки-мышки	41
Глава 5	Волки и паства	51
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	СЕРГЕЙ	
Глава 6	Тревога	62
Глава 7	Тени прошлого и ближайшие планы	71
Глава 8	Засада	85
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	ВАСЬКА	
Глава 9	Загадка	97
Глава 10	Бездна	107
Глава 11	Очередная неудача	119
Глава 12	Звериной тропой	127
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ	ТРОЕ ИЗ ПРОШЛОГО	
Я		
Глава 13	Дневник	138
Глава 14	Ополчение	151
Эпилог	Возвращение	171

Пролог

Странное утро десятого июля

Кира невольно вздрогнула, когда на горизонте появилась зловеще темная, почти черная полоса воды. Через минуту открылось все море, с восхитительными перепадами цвета от нежно-бирюзового около берега до глубокого синего, угрожающего, на глубине. А после очередного витка серпантина она увидела прекрасную бухту, город Геленджик с маяком на толстом мысу, и задохнулась от восторга. Кира оглянулась. Никто не смотрел в окно. Вся группа была занята СМС-ками, фотками в смартфонах и болтовней.

Кира снова взглянула в окно. Далеко на горизонте в сгустившихся облаках появились очертания Лилового острова. Кира зажмурилась в испуге. Остров снился ей каждую ночь после победы в соревнованиях. Она даже нарисовала его, в надежде, что видение отстанет, но нет! Опять темное море, лиловые пальмы и огромные птицы, больше похожие на людей, под облаками. Кира открыла глаза. Мираж исчез. И облака продвинулись вперед и стали бело-розовыми.

Кира с тоской оглядела ребят в автобусе. Все такие шумные, крикливые. Отношения не заладились, как только сели в автобус. Кира кожей чувствовала неприязнь, с которой к ней относились девочки, и отвечала им взаимностью. Ну да, представители элиты спорта – гимнастки и легкоатлетки. А у нее – грубое карате. Мальчиков она тоже не интересовала – замкнутая, молчаливая, с короткой стрижкой темных волос, в джинсах и клетчатой рубаше, она казалась им слишком обыкновенной среди кокетливых и веселых сверстниц.

Почти в восемь часов утра автобус остановился перед распахнутыми воротами базы отдыха. По широкой, мощеной плиткой дорожке прошли мимо уютного двухэтажного коттеджа с балконами, оплетенными диким виноградом, к грязно-серому, как песок после прилива, зданию администрации. Заполнив бумаги, вожатый развел ребят по комнатам.

После завтрака отправились на пляж. Кира завернулась в яркое парео, нахлобучила козырьком назад кепку, надела огромные зеркальные очки, отчего сама себе напомнила стрекозу, взяла в прокате надувной матрас. Без пятнадцати десять Кира вошла в воду.

Группа военнослужащих отрабатывала приемы рукопашного боя. В половине десятого в спортзал вошел майор Светин – начальник заставы. Ему не было и сорока, но волосы уже приобрели серебристую окантовку на висках. Оглядев зал, кивнул сержанту.

Сергей одернул футболку, подошел. Светловолосый, среднего роста, худой, он чувствовал себя неоперившимся птенцом рядом с высоким и широким в плечах майором.

– Ты ж у нас лучник?

– Так точно, товарищ майор! – отрапортовал Сергей.

– Отменили лук на соревнованиях в этом году. Так что берись за стрелковое.

– Есть, братья за стрелковое!

Майор вышел. Сергей расстроился: надеялся встретиться на соревнованиях с матерью, скучал. Тренировка была скомкана. А без двадцати десять прозвучала тревога. Сергей кинулся в казарму.

Уже через пять минут наряд выехал к месту, откуда поступил сигнал о нарушении границы. Первое время Сергей страшно волновался при этих выездах. Теперь – привык. Обычно границу пересекали животные, благо здесь, в горах, их хватает. Сергей смотрел назад, туда, где маячил Большой Кавказский хребет. Облака то ли родились на склонах, то ли приплыли откуда-то издалека и обнимали снежные вершины. Высоко в небе парил орел. Надрывно гудел мотор старенькой машины, разрывая в клочья тишину.

Майор Светин проводил взглядом выехавший наряд, отошел от окна и сел за свой рабочий стол. Он любил этот кабинет. Здесь не было ничего лишнего, все абсолютно функционально. Из украшений – на столе в рамочке черно-белое, отпечатанное на принтере фото. Жена с младенцем на руках и две дочери по бокам, словно Дева Мария с сыном и ангелами.

Майор выдвинул нижний ящик стола, извлек из-под папок, с самого дна, потрепанную общую тетрадь в зеленой клеенчатой обложке, открыл ее, взглянул на часы, написал: «10 июля. Понедельник. 9.45». Привычка вести дневник появилась в школьные годы. Дед сказал однажды:

– Вот так, умру я, и в памяти твоей следа не оставлю.

Сначала будущий майор записывал байки, воспоминания и анекдоты деда, потом – события собственной жизни. С возрастом записи становились все короче, реже. Теперь он писал раз в неделю. По понедельникам. В основном короткие, словно телеграммы, строчки, стараясь не касаться армейских тонкостей.

Подумал и добавил: «Отказано в участии в соревнованиях. Солдат, спортсмен-лучник, расстроился. Мечтал о встрече с матерью». Светин поставил точку, наклонился, чтобы спрятать дневник, и почувствовал первый толчок. Он был такой силы, что майор стукнулся головой о тумбу стола, снова достал тетрадь.

Васька был совершенно счастлив. Еще бы! Все в один день. Сегодня десятое июля, понедельник, и ему, Ваське, десять лет! Мать подарила смартфон. До сих пор он получал по наследству от старших братьев их потертые кнопочные телефоны. Ни интернета, ни игрушек, ни кинушек, ничего нет. И вот! Когда братья вдоволь наигрались с подарком сами, настроили его, наблюдая, как Васька потеет и потирает в нетерпении то руки, то лоб, то затылок и, наконец, отдали подарок имениннику, тот схватил гаджет и спрятался на чердаке, изучая новую собственность. Сделав первое в жизни селфи, разглядывал веснушчатое счастливое лицо с чуть вздернутым носом и непослушным вылинявшим под солнцем вихром. Но долго развлекаться не получилось: оказалось, для именинного пирога матери не хватило ягод. Пришлось всем троем плестись с корзинками в лес, на заветную поляну, где полно земляники. Сверили часы, вышли без четверти десять.

Васька всю дорогу отставал. То ему вдруг понадобилось сфотографировать наклонившуюся над обрывом полусухую сосну, то в прорехе зеленых крон мелькнула бриллиантовым блеском далекая снежная вершина, ее тоже необходимо было запечатлеть, то голодная сойка выскочила на тропу, прямо перед Васькой. А как шумит поток! Васька и это «заснял».

Пока шли к нужной поляне, Васька очень отстал. Он уже собрался припустить бегом, но увидел тот самый бук! Старое, покрытое серо-зелеными пятнами мха, дерево с небольшим овальным дуплом. Васька столько раз хотел заглянуть в него. Дупло как раз находилось вровень с его глазами, но братья вечно пугали: то – змея выползет, то – птица в глаз клюнет. Так ни разу и не осмелился.

Сейчас, воспользовавшись ненароком свалившейся свободой, Васька заглянул в дупло. Сначала он вообще ничего не увидел, но быстро сообразил – с закрытыми глазами не смотрят. Он распахнул глаза и увидел скалу! Отпрянул, приник снова к отверстию. Так и есть – скала!

Васька обошел ствол. Бук стоял в полуметре от крутого склона горы, и с другой стороны в нем тоже зияло дупло, в Васькин рост, словно вход вовнутрь. Васька крадучись подошел ближе, заглянул: никого! Только впереди светилось маленькое овальное окошечко. Бук внутри был пуст.

Васька влез в чрево дерева, сделал два шажка и выглянул наружу. Увиденное заставило его отпрянуть, прижаться к осыпающейся древесине и зажмурить глаза. Поперек тропинки, где он только что шел, лежал ствол поваленной огромной сосны. Корни, уже подсохшие, торчали ореолом на два метра, крона нависла над пропастью. Несколько пограничников в потрепанных, линялых и порванных формах, перетаскивали через сосну сделанные из веток носилки, на которых кто-то стонал.

Сколько Васька так простоял, он и сам сказать не мог. Он даже про смартфон забыл. Когда же решился выглянуть снова, увидел высохшую, почти развалившуюся сосну,

в голой кроне которой над пропастью висел мертвый филин, одним крылом зацепившийся за ветку. Второе крыло грязной тряпкой свешивалось вниз, из горла птицы торчала стрела с белым оперением.

Сердце у Васьки гулко стучало где-то под подбородком, тело покрылось гусиной кожей. Ощупывая трухлявое дерево, Васька повернулся к выходу и задохнулся: дупло, через которое он влез внутрь, оказалось завалено камнями.

Часть первая

Кира

Глава первая

Лиловый остров

Кира с трудом разлепила веки и уставилась в высокое прозрачное небо, попыталась повернуться на бок. Боль пронзила все тело.

«Проклятый шторм! Эк помотало!» Кира вспомнила, как она, подгребая руками, лавировала между плещущимися девчонками, доплыла до буя и собиралась повернуть обратно. Откуда взялся шквал ветра? Кира пошевелила пальцами, повернулась на бок, преодолевая боль. Ее взгляду открылась гряда лиловых пальм. Лиловыми были и листья, и стволы, и кустики травы под пальмами.

Кира вспомнила свой сон. Она просыпалась каждый раз, когда начинали звучать тамбурины. Вдруг услышала частый дробный ритм, но в этот раз она не спала. Внутри похолодело. Она огляделась и увидела высокие густые кусты незнакомого растения. Забыв про боль, поползла к ним и затаилась. Ритм учащался, пение, сопровождавшее тамбурины, становилось все громче. Кира услышала знакомые слова: «Жертвы, пир, ночь».

Прячась за кустами, Кира подползла ближе. Солнце уже склонялось к закату, и в его последних лучах Кира увидела странную картину. Женщины и мужчины, завернутые в парео, сутулые, будто горбатые, танцевали какой-то дикий танец на площадке вокруг вкопанного в землю высокого бревна буро-коричневого цвета. Мужчины на полусогнутых ногах с тамбуринами между колен выкидывали в стороны то одну, то другую ногу, женщины высоко подпрыгивали, поворачиваясь в воздухе, изгибаясь, словно змеи. Их длинные горбатые тени переплетались, напоминая скопище длинноногих пауков.

Вокруг расположилось несколько хижин на невысоких сваях, похожих на бунгало с маленькими террасами. Сразу за постройками начинался лес. В стороне, почти в лесу горел костер, на нем жарилось мясо. В воздухе витали такие запахи, что Кира сглотнула слюну. У костра копошился такой же, как и танцующие, горбатый мужчина, опоясанный большим белым фартуком. Он снимал шампуры с готовым мясом, перекладывал на блюдо, стоявшее рядом на грубом деревянном столе. Над огнем раскладывал новые шампуры. На столе, кроме мяса, стояли плошки с соусами, тарелки со свежими и печеными овощами, высокие керамические кувшины. У Киры засосало под ложечкой и закружилась голова, она уже подумывала выйти, но тут в центре появилась женщина, солнце выхватило ее лицо. Увидев белесый, идущий от левого виска к правому углу рта шрам, Кира решила не

показываться. Один глаз, матово белый, смотрел в сторону, второй, черный, – казалось, заглядывал Кире в душу. Женщина выглядела старухой, так отвисла кожа на шее и открытых руках.

– Сегодня посвящаем Нико! – прокричала она громким, визгливым голосом.

Танцующие вытолкнули на середину площади парня со светлыми курчавыми, почти до плеч волосами, перехваченными тесемкой через лоб. Парень удивленно озирался по сторонам. Старуха взяла его за руку, и они отправились к ближайшей хижине. Остальные выстроились вокруг и продолжали орать и прыгать.

Через несколько минут из бунгало вышла старуха, за ней парень. Он нес на руках девушку. Кире показалось, что та мертва, так безвольно свешивались вниз голова и руки. Парень поднес девушку к столбу. У Кире даже дыхание перехватило.

– Рамон, – крикнула старуха, – помоги ему.

Подошел мужчина, до этого незаметно стоявший в тени деревьев. Он подхватил девушку под мышки, а парень быстро привязал ее к бревну. Тени удлиннились, солнце коснулось горизонта. От стола отошла еще одна женщина. Она была несколько полновата, но двигалась быстро и свободно. В руках она держала бутылку.

– Выпьем, друзья! Надо лететь! Дух Острова уже близко, – прокричала старуха.

Кира обратила внимание, что стаканы подставили все, кроме старухи, Рамона, придерживавшего девушку возле столба, и той женщины, что разливала напиток. Налив, женщина отнесла бутылку на стол и принесла кувшин. Из него налила остальным. Поставила кувшин назад. Так же танцуя и высоко подпрыгивая, горбуны разобрали шампур. Грязными руками они хватали овощи, жадно поглощая все подряд. Через пятнадцать минут старуха хлопнула в ладоши, сорвала парео, оставшись в майке и коротких брюках, расправила тонкие кожистые крылья и взлетела. За ней устремились в небо остальные. Кира обомлела, осознав, что их сутулость объяснялась сложенными за спиной крыльями. Она, замерев, провожала взглядом вереницу птице-людей, летящих на восток.

Когда они скрылись, Кира подошла к бревну и поняла, что девушка дышит. Она спала. Кира развязала веревки, положила девушку на землю и села рядом. Надо что-то делать, но что? Вдруг из глубины леса раздался рев. Кира подхватила девушку, взвалила себе на спину и потащила к ближайшей хижине. Так тяжело ей еще не было! Держа ношу одной рукой, второй цепляясь за деревянные поручни, она взобралась на террасу. Затащила жертву в хижину, – теперь Кира понимала, что это был обряд жертвоприношения, – отдышалась, оставила девушку на полу и вышла.

Быстро проскользнула к столу, схватила несколько шампуров с готовым мясом, тарелку с овощами и пузатый кувшин, из которого пили трое, как Кира поняла, «главных»

участников жуткого действия, бросилась назад. Сзади, почти за спиной, раздался тот же рык. Добравшись до бунгало, Кира оглянулась: огромная черная кошка обнюхивала столб. Она выгнула спину, потянулась, достав передними лапами почти до его вершины, вонзила когти и протянула лапы вниз, вспарывая дерево, как пластилин.

Кира застыла. Пантера посмотрела на нее, мурлыкнула и взревела, оскалив жуткую пасть, развернулась и взлетела в воздух. Кира обмерла, понимая, что это последние мгновения ее жизни. А также и жизни девушки-аборигенки. Эта кошка может все! Невысокие сваи для нее не преграда. А у Киры никакого оружия нет. Нож на столе, но до него далеко.

Неожиданно кошка грузно упала к ее ногам, и Киру, вместе с тарелкой и кувшином, кто-то подхватил, поднял на террасу. Из горла мертвого животного торчала стрела с белым оперением, которое очень быстро окрашивалось стружкой крови в алый цвет.

Кира взглянула на своего спасителя. Парень с рыжей волнистой шевелюрой навис над ней горой: высокий, мускулистый, кожистые крылья, не успевшие до конца сложиться, нервно подрагивали и увеличивали и без того широкие плечи.

– Где девушка? – спросил он. – Дана?

– В хижине, – голос Киры дрожал.

Парень отпустил Киру и, резко развернувшись, направился в бунгало, больно хлестнув ее крылом по ногам. Кира даже вскрикнула, он не обернулся. Она снова глянула вниз. Мертвое животное, казалось, из-за приопущенных век наблюдает за ней. Кира невольно содрогнулась.

Кира вошла в бунгало. Парень стоял, опираясь на лук. В свете луны Кира видела, что он улыбается, глядя на спящую девушку.

В хижине из мебели – только разбросанные по полу подушки. В середине стояли несколько незажженных свечей. Кира прижимала к себе кувшин и тарелку не в силах отвести взгляд от подрагивающих крыльев парня.

– У тебя нет крыльев? – удивленно спросил он, забирая у Киры еду и ставя ее на пол хижины.

Кира кивнула, чувствуя судорожный ком в горле. У нее зачесалась спина. Потершись о стену, не ощутила ничего, словно за спиной воздушная подушка. Но стоило ей сделать пару шагов, как какая-то тяжесть потянула ее назад. Она наступила на что-то мягкое и вскрикнула от боли в плече. Оглянулась: по полу безвольно волочились крылья! Парень протянул руку, поддерживая Киру:

– Таир, меня зовут Таир.

Почувствовав головокружение, Кира едва не упала. Парень помог ей пройти на середину комнаты. Мысли спутались окончательно. Кире казалось, что она сходит с ума. Крылья! Этого не может быть! Она ощупала спину, крылья никуда не делись. Мало того, они тянули ее назад, а правое еще и болело. Где-то внизу.

– Дай посмотрю, – Таир склонился над крылом, ощупывая его длинными, тонкими, как у пианиста, пальцами. – Ничего, хорды целые. Заживет.

То ли от страха, то ли от голода Кира почувствовала тошноту. Сглотнув слюну, села на подушку. Попытка сложить крылья ни к чему не привела. Они распластались сзади, словно кожаная накидка. Таир зажег свечи приспособлением, напомнившим Кире зажигалку. В тусклом свете он казался кем-то неземным, потусторонним. Рыжие волосы словно горели, зеленые глаза поблескивали. Может, он был дьяволом, может, ангелом. Она уже не понимала, жива ли сама. Но запах жареного мяса и специй заставил ее поверить, что жива. Кира взяла кусок мяса, вдохнула пряный аромат.

– Таир, может, и вы поедите? Меня зовут Кира, – предложила она.

– Если не жалко, – низким с легкой хрипотцой голосом ответил он, подходя ближе и усаживаясь на подушку рядом, – последний раз я ел прошлым утром.

Он выбрал кусок мяса, понюхал.

– Горная козочка, – задумчиво сообщил парень. Утолив первый голод, он спросил: – А откуда ты?

– Сложно сказать... Утром я попала в шторм. Но не мог же шторм длиться целый день? А на берег меня выкинуло вечером, – ответила Кира, – вы можете объяснить, что это за место?

– Мы называем наш мир Потерянным. Впрочем, давай будем проще, перейдем на ты?

– А как выбраться отсюда? – Кира кивнула.

– Раз сюда можно попасть, значит, можно и выбраться. Впрочем, ты первая чужестранка, которую я вижу!

Кира услышала, что Дана заворочалась во сне, застонала, хлопнула расправленным крылом по полу, всколыхнув пламя свечей. По стенам запрыгали размытые тени. Где-то в лесу раздался рев таинственного зверя.

Кира бросила взгляд на циновку, закрывающую вход.

– Это далеко, – успокоил, прислушиваясь, Таир.